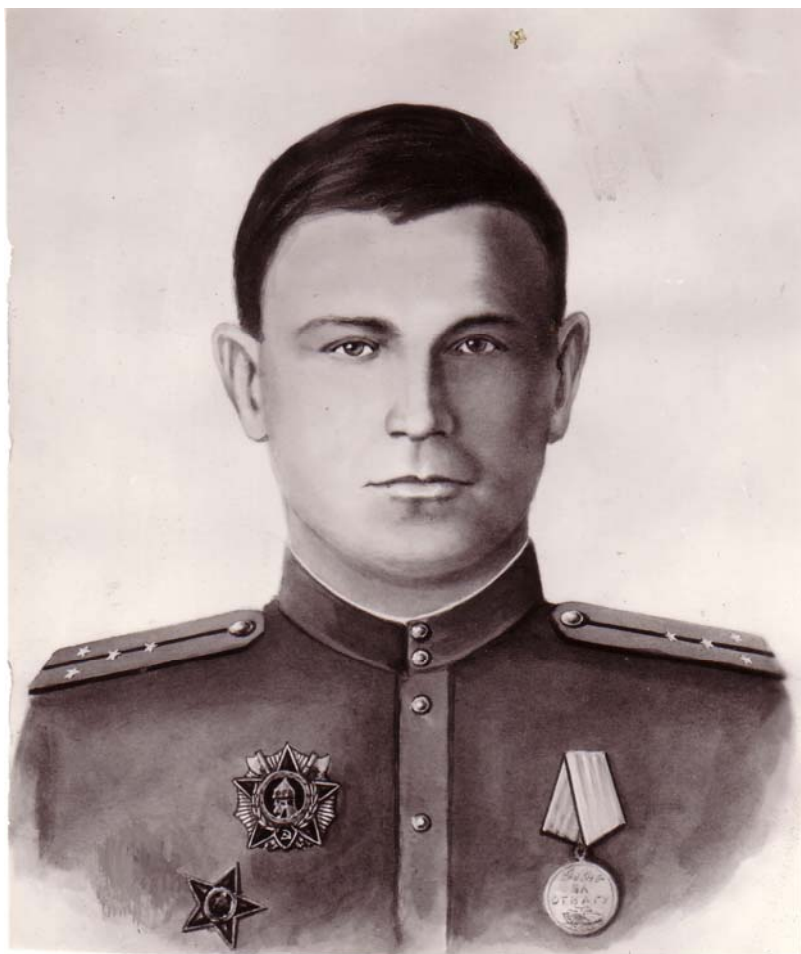

Полевая почта 36458-И

Фронтовые письма, пожалуй, все, что сохранилось в моей семье об отце – Федоре Тихоновиче Смирнове. Они, проштампованные штемпелями полевой почты и военной цензуры, хранят его образ. В каждой строке, написанной порой карандашом, слышу его голос, биение его сердца. На этих пожелтевших тетрадных листках судьба родного человека, который из далекого военного прошлого дает мне уроки мудрости и дарит жизненные силы.

Федор Смирнов

В сентябре 1941 года во Фрунзе начала формироваться 385-я стрелковая дивизия, которая спустя годы, пройдя славный боевой путь, станет именоваться Кричевской Краснознаменной ордена Суворова. Штаб дивизии располагался на улице Краснооктябрьский, в доме 120, сегодня известного, как здание общества «Знание». Отец,

в августе закончивший Фрунзенское военное училище, был зачислен в штат соединения и уже 12 декабря 1941 года отправил с фронта первую весточку.

Отец писал: «Бои идут от нас недалеко, первые дни слышны были только взрывы снарядов и частенько навещали немецкие самолеты, но сейчас их не видно, по-видимому, фронт начинает отодвигаться все дальше и дальше. Немцы бегут, одеваются в крестьянскую одежду и скрываются в лесах. Одеты по-летнему, масса случаев обморожения. Ввиду недостатка зимнего обмундирования, занимаются мародерством – снимают с убитых красноармейцев и наших мирных жителей одежду, ведут себя, как разбойники. Таких издевательств, какие они производят, еще не видела наша русская земля за все свое существование».

Фронтовые письма стали единственным источником информации об отце. Что писал отец в письмах? Конечно, в первую очередь о войне. Фронтовые будни по его рассказам рисовались нам суровыми, но в каждом слове присутствовал оптимизм и уверенность в скором разгроме врага: «Приняв новое пополнение, я снова пошел в бой. Из боя вышел благополучно, но на второй день, т.е. 15 апреля, по дороге на командный пункт попал под минометный огонь противника. На этот раз получил в ногу осколок».

Или вот, например, еще: «С немцами воюем неплохо, бьем их, где только представляется возможность и всеми имеющимися средствами. А воевать у нас есть чем, и есть кому. Скоро будет всем фрицам «капут».

Писалось все это с какой-то легкостью, как будто отец не хотел тревожить нас.

18 июля 1942 года отец отправил очередное письмо, как бы подводя итог своего годового расставания с семьей: «Год без семьи, в состоянии войны. Из них шесть месяцев на передовой, в непосредственном соприкосновении с заклятым врагом – немцами. За этот год столько пришлось пережить, сколько я не пережил за все время своей жизни. Несколько раз ходили в наступление, два раза ранен... Сегодня встретил своего земляка мирза-акинца Хасанова, он находится в пехоте, ранен в ногу, сейчас находится вместе со мной на излечении».

Встречи с земляками тема отдельного разговора. Видимо ниточка помощи, протянувшаяся к фронту через всю страну с малой родины, придавали бойцам силы и желание жить. «Позавчера, – писал отец, – встречали наших земляков – представителей из Киргизии. Увидеть их мне не пришлось. Оказывается, один был из Ошской области. Они привезли нам подарки. За шестнадцать месяцев пришлось покушать киргизских яблочек, они здесь вкуснее и приятнее, чем дома».

В каждом письме чувствовалось, что отец переживал за семью, его волновало все – мамина работа, моя учеба. «Запомни на всю жизнь, что все, что было в моей жизни

лучшее и чистое – это ты. Ты скажешь детям, что я даже не могу выразить это чувство так, как оно есть в действительности. В каких бы условиях ты не жила, но детей никогда не забывай. Дети должны жить хорошо. Они должны воспитываться, как можно лучше, чтобы потом вспомнили нас с хорошей стороны», – обращался он к маме.

А эти строки были адресованы мне: «Здравствуй, дочуля Фаечка! Письмо твое получил, был очень рад, что мне пишет моя любимая дочь. Я очень рад, что ты учишься хорошо, надо учиться еще лучше, так, чтобы по всем предметам было бы «отлично». А я буду бить фашистов тоже на «отлично», а потом, когда я приеду домой, я спрошу, как ты выполнила свои обязательства, а я расскажу о своих обязательствах, как я их выполнил».

С сентября 1943 года письма от отца перестали поступать, но мы с мамой продолжали писать в адрес полевой почты 36458-И, упорно ожидая весточки с фронта.

В январе 1945 года пришло письмо из Народного комиссариата обороны СССР, в котором сообщалось о гибели отца: «Уважаемая Елизавета Трофимовна, Ваш муж, Смирнов Федор Тихонович в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 27 сентября 1943 года».

Произошло это как раз в период ожесточенных боев на подступах к городу Кричеву. Похоронен отец был в селе Венера Шумячского района Смоленской области.

Незадолго до гибели отец писал: «Шлю свой первомайский привет второй военной весны. Дышать стало легче, на душе радостнее. Жажда к жизни растет с каждым днем».

Также как и все солдаты, не вернувшиеся с полей сражений Великой Отечественной, мой отец хотел жить, будучи уверенным, что будет она после войны «прекрасной, какой никогда во сне не видел». За эту прекрасную жизнь сражался и погиб мой отец – капитан Смирнов Федор Тихонович.

В одном из своих посланий родным он написал маме: «За меня можешь не беспокоиться. Будь уверена, что не подкачаю, не опозорю тебя и наших детей. Потом они будут гордиться своим отцом».

У меня на руках свидетельства о боевых наградах отца. Ордена Александра Невского, Красной звезды, медаль «За отвагу» говорят, что был он храбрым бойцом. У меня на руках пожелтевшие от времени его фронтовые письма. Читаю и вижу в них душевно красивого и сильного человека, ставшего моей гордостью.

Фаина Осипова